

Народный артист УССР М. Ф. РОМАНОВ беседует с учащимися театрального училища имени М. С. Щепкина.
Фото С. ШИНГАРЕВА.

Театральные портреты

Народный артист УССР Михаил Романов

УЖЕ первый тур летних гастролей доставил москвичам немало театральных радостей. Мы увидели, как бьет ключом творческая жизнь в театрах братских республик. Бесспорно было то, что не существует в советском театре резких отличий между центром и периферией, что единая великая цель, которой служат театры нашей страны, создает единство театральной культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

В Киевском русском театре немало одаренных актеров; однако наибольшее внимание и зрителей и критики прилек М. Ф. Романов.

Актер зрелых лет, уже вполне сложившийся, он вырос в советскую эпоху. Еще юношей, работая на одном из ленинградских заводов, он стал активным участником коллектива самодеятельности. Затем переходит в театр военного округа. Здесь на него обращают внимание, и скоро начинающего актера приглашают в Ленинградский академический театр драмы.

В те годы на этой сцене блистали Ю. М. Юрьев, И. Н. Певцов, Б. А. Горин-Горинцов. Работа вместе с ними и была театральным университетом Романова. Много дал ему своими советами такой замечательный актер, как Певцов.

В театре считали Романова «подающим надежды» комедийным актером. Именно комедийным, а он стремился к драме, мечтал даже о трагедии. Многие роли, о которых он то-

скавал, были недоступны молодому актеру — выдвижение молодежи, ставшее сейчас одним из устоев нашей театральной жизни, тогда еще не было массовым. Его неизменный наставник И. Н. Певцов советует Романову уехать на периферию, где он сможет играть роли, о которых мечтает. В это время К. П. Хохлов стал художественным руководителем Киевского русского театра. Он приглашает Романова, и с тех пор, вот уже двенадцать лет, Романов работает в Киеве. Его артистическая деятельность получила высокую оценку: он — народный артист УССР.

Из сыгранных Романовым в Москве пяти больших ролей в трех с особенной силой проявились яркие краски его дарования: это — Федор Протасов в «Живом труп» Л. Н. Толстого, Павел Прогасов в «Детях солнца» А. М. Горького и академик Верейский в пьесе А. Штейна «Закон чести».

В «Живом труп» бесшабашная романтика Федя Протасова, его пьяная тоска, отношения к жене и к цыганке Маше не заслонили от Романова главного — того, о чем говорит сам Федор.

А он говорит, что в кругу, где он родился, перед ним, собственно говоря, было только одно назначение, естественное и необходимое с точки зрения понятий этого «круга»: «служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь». На это не мог пойти толстовский герой:

«это мне было противно, может быть, не умел, но главное было противно». Был, правда, другой выход: «разрушить эту пакость, для этого надо быть героем, а я не герой».

Романов произносит эти слова без особого ударения, без каких-либо акцентирующих жестов, но с такой убежденной проникновенностью, так сияют при этом его глаза, что зрителю сразу становится ясным: в этих словах ключ к судьбе Федя. И уже не Федю, а тот строй, то общество, которые обусловили духовное одиночество Протасова, обвиняет зритель.

Изумительно проводит Романов сцену покушения Федя на самоубийство. Отдельный кабинет трактира. Озлобленный неудачник, трактирный «гений» Александров ушел, дав на прощанье совет: «Застрелиться хочешь? Можно... можно... я тебя понимаю. Они хотят тебя унизить, а ты им покажешь, кто ты. Себя убьешь — револьвером, а их — великодушием». Федя один. Идет большая сцена без единого слова. Он осматривает ту обстановку, в которой он умрет: надо прибрать, чтобы выглядело чище. Теперь что? Закурить. Последний раз в жизни — закурить. У него дрожат руки, когда он чиркает спичкой. Он эжег папиросу, курит, затягивается. Мы ощущаем: он думает о том, что ему только что сказал Александров: «себя убьешь — револьвером, а их — великодушием», то есть жену и приятеля — Каренина. И вот уже последняя затяжка папиросы. «Нет, не могу...», — говорит Федя. Без надрыва, без всякого отгнка истеричности произносит Романов эти слова. Не потому «не могу», что «боюсь смерти», а потому, что в этом самоубийстве была бы игра в великодушие, ложь, лицемерие.

И, когда перед самым концом пьесы Протасов, так и не найдя выхо-

да, все же кончает самоубийством, Романов снова находит особые интонации для последних слов своего героя. Никаких «патетических штампов»; очень сдержанно произносит Романов предсмертные слова, словно стыдясь того, что он совершил; и какой грустью звучит его прощание с Машей: «А Маша... опоздала».

Любовь к правде, любовь к жизни, любовь к лучшему, что есть в этой жизни, — вот что заставило актера Романова полюбить своего героя и передать эту любовь зрительному залу.

В «Детях солнца» Романов играет ученого Павла Протасова, человека фанатически преданного науке. Ему чужды мелкие, собственнические интересы, гнусные страстишки мещан-приобретателей. Это делает его обаятельным, и в этой обаятельности Романов ему не отказывает. Чудаковатая рассеянность ученого вызывает сочувственный смех в зрительном зале. Ничего не поделаешь — это большой ребенок, борода выросла, а нянька нужна, как говорит об этом в пьесе Антоновна.

Но вот Меланья, влюбленная в Протасова, называет его «жестоким ребенком». Он отвечает, что не совсем понимает ее основную мысль, а зритель начинает понимать. Начинает замечать зритель, что есть у Романова — Павла Протасова нечто неприятное в его «детскости», то самое, что обозначают словом «инфантильность», то есть преувеличенная, неуместная «детскость».

Что ярче всего характеризует Протасова? В последнем акте он, обращая к слесарю Егору, который хотел убить его, недоумевает: за что? Ведь он, Протасов, так хорошо платил Егору. «Не тронь меня, барин», — говорит ему с презрением Егор,

Да, барин, чуждый народу и не любящий этот народ. Так трактует артист этот образ горьковской пьесы.

★

По сравнению с ученым Павлом Протасовым у ученого Верейского из «Закона чести» даже глаза другие. Конечно это все те же светлые глаза Романова, но они кажутся нам иными: такой у них острый, пронзительный взгляд. И такая уверенность в своей силе во всем его облике. Не умеет не ссориться академик Верейский, но у Романова — это не ворчун-старик, а суровый, требовательный деятель, который не привык глядеть людей «по шерстке».

В изображении Романова Верейский близок таким великим ученым, как Менделеев, Павлов, Тимирязев. Невольно вспоминается созданный в кино артистом Черкасовым образ «депутата Балтики» — образ Тимирязева, названного в фильме Полежаевым.

В одной монографии о Черкасове есть интересное высказывание профессоров, лично знавших Тимирязева: «В образе Тимирязева-Полежаева каждый из нас, людей науки, нашел кусочек чего-то родного. Несомненно, в каждом советском ученом есть частица того, что мы видим в Полежаеве. Если этого нет, то это не советский ученый».

Вот это и хочется сказать о Романове-Верейском: это действительно наш, советский ученый!

И сказать артисту: мы надеемся, что при следующей встрече киевлян с московскими зрителями мы увидим созданные им новые образы наших современников и будут эти новые образы увлекать и волновать нас не меньше, чем те, какие видели мы во время недавних гастролей Киевского театра в Москве.

С. Юрьев.